

УДК 347.2

Сергей Иванович Архипов
доктор юридических наук, профессор
Уральской государственной юридической академии,
приглашенный профессор Университета
Paris-X и Paris XII (Франция)
г. Екатеринбург (343) 376-60-10 arhip10@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТРИАДЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассмотрены основные точки зрения по проблеме триады права собственности. Автором дан конструктивный теоретико-правовой анализ существующего подхода к делению права собственности на отдельные элементы, взамен триады предложена принципиально иная юридическая конструкция.

Собственность, право собственности, субъективное право, правомочие, конструкция права собственности.

Проблема содержания права собственности, выделения отдельных правомочий, принадлежащих собственнику, уже на протяжении двух веков является «камнем преткновения» для российских юристов. Ей посвящено множество публикаций, представлено немало аргументов как в пользу существующей конструкции права собственности, так и против нее. Однако до сих пор юридическая наука так и не нашла необходимую для нее «точку опоры» в этом вопросе. По-прежнему вызывает сомнение сам принцип членения права собственности на множество правомочий, соответственно, выделение триады правомочий собственника в целом и каждого из ее элементов в отдельности.

Положение о трех правомочиях собственника впервые было сформулировано в российской дореволюционной науке в 1813 г. В.Г. Кукольниковом, а в 1832 г. по инициативе М.М. Сперанского оно получило закрепление в законодательстве [21, с. 105-106]. При этом сам М.М. Сперанский существо права собственности видел в укреплении, в титуле, полагая, что внесенная им в закон формула не исчерпывает всего содержания права собственности [23, с. 206-207]. Мысль о том, что субъекту права собственности принадлежит совокупность отдельных правомочий, по мнению А.А. Рубанова, сформулирована не римскими юристами, а средневековыми комментаторами римского права [21, с. 102]. К.И. Скловский же прямо утверждает, что римское право не передавало средневековой ни понятия собственности как набора правомочий, ни тем более (как частный

случай) идеи триады, что это всецело продукт европейской средневековой юриспруденции [24, с. 123]. В российской дореволюционной юридической литературе также обращалось внимание на то, что первые попытки дать исчерпывающее перечисление составных элементов права собственности были предприняты глоссаторами [7, с. 81].

Характеризуя римские представления о собственности А.В. Зайков отмечает, что для римского правового сознания «собственность не сводится к сумме (правомочий – *С.А.*) и в принципе отлична от отдельных правомочий, поскольку это право *sui generis* (своего рода)» [13, с. 37], оно выражает идеальное господство лица над вещью. Представляется, версия о том, что триада правомочий собственника – это изобретение средневековой юриспруденции, не лишена оснований, схематизм и упрощенный взгляд на собственность указывают на то, что перед нами продукт средневекового сознания, нашедший благодатную почву в дореволюционной России.

Раскрывая элементы триады, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что владение есть фактическое господство над вещью, пользование состоит в извлечении из вещи тех выгод, которыми определяется ее экономическое значение, распоряжение дает возможность совершения различных сделок, имеющих своим объектом именно эту вещь [28, с. 167]. Сегодня, как отмечает Е.А. Суханов, общепризнанно понимать под правомочием владения основанную на законе (или юридически обеспеченную) возможность иметь у себя имущество, содержать его в своем хозяйстве; под правомочием пользования – возможность эксплуатации (хозяйственного использования) имущества путем извлечения из него полезных свойств, его потребления; под правом распоряжения – возможность определять судьбу имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (в форме отчуждения, уничтожения и т.д.) [25, с. 20]. Таким образом, современные и дореволюционные представления о правомочиях собственника принципиально не различаются. Идея хозяйственного господства лица над вещью является для них объединительной, она определяет принципиальное отношение юристов к феномену собственности.

Российский законодатель пытается облечь в юридическую форму фактическое отношение лица к вещи, субъекта к объекту, которое от этого не становится правовым отношением. Собственность как правовое отношение заканчивается там, где начинается фактическое обладание (хозяйственное господство) собственника. Поскольку вещь выпадает из человеческих, субъект-субъектных отношений, то любые действия, поступки лица по отношению к ней не могут иметь характер правовых действий и поступков.

Сопоставляя элементы триады, некоторые авторы, например Д.И. Мейер и Г.Ф. Шершеневич, каждый из них по-своему, пришли к выводу о том, что право распоряжения занимает особое место сре-

ди других правомочий собственника. Если право владения и право собственности можно выделить из права собственности и предоставить стороннему лицу, то право распоряжения так тесно связано с сущностью права собственности, что без прекращения его самого выделение права распоряжения немыслимо [19, с. 20]. «В самом деле, – задает вопрос Г.Ф. Шершеневич, – если кто-либо, помимо собственника, может отчуждать вещь, продать, заложить, отдать в пользование, то к чему сведутся права собственника?» [28, с. 168]. Действительно, право распоряжения вещью выделяется среди других правомочий собственника тем, что, взятое в отдельности, оно является регулятивным правомочием, причем наиболее емким, юридически насыщенным. Однако, будучи элементом триады, оно подчиняется ее логике; законодатель, закрепляя право распоряжения в одном ряду с другими правами, определяющими хозяйственное господство лица над вещью (владения и пользования), сделал его частью отношения лица к вещи. Он натурализовал, овеществил право распоряжения, лишив его юридического смысла, из субъект-субъектного права (каким оно должно быть) оно превратилось в субъект-объектное, в правовую аномалию. Для Г.Ф. Шершеневича, как и для многих других цивилистов, право распоряжения – это установленная законом возможность лица отказаться от фактического, хозяйственного господства над вещью, то есть право отстранить, отделить ее от себя, «выпустить из своих рук», прекратить эмпирическое владение вещью. Оно принципиально ничем не отличается от других элементов триады, выступает звеном единой цепи: владение в данной конструкции – это вступление в хозяйственное, фактическое господство лица над вещью, использование – извлечение плодов господства, а распоряжение – прекращение физического господства лица над вещью.

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки дополнить, изменить триаду правомочий собственника. Так, например, С.Е. Десницкий в качестве элементов права собственности называл: 1) право употреблять свою вещь по произволению; 2) право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего ею несправедливо; 3) право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, при жизни и по смерти [22, с. 20; 11, с. 24]. Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что законодатель при перечислении правомочий собственника упустил право уничтожения вещи [28, с. 167]. А.В. Венедиктов считал, что право собственности отнюдь не исчерпывается тремя элементами, не «слагается из трех отдельных прав: владения, пользования и распоряжения» [8, с. 15]. Он предложил определять право собственности через понятие «использование» (как право индивида или коллектива *использовать* средства, а также продукты производства своей властью и в своем интересе) [8, с. 39].

Представитель науки земельного права Г.А. Аксененок полагал, что формула правомочий собственника недостаточно учитывает

специфику земельных отношений, поэтому предложил добавить к трем имеющимся элементам четвертый – право управления [2, с. 196]. Правомочие управления в качестве самостоятельного элемента права собственности выделил также С.А. Зинченко. По его мнению, «сущностное содержание права государственной собственности... должно быть выражено через одно единственное правомочие – управление» [14, с. 56]. А.М. Турубинер помимо правомочий владения, пользования и распоряжения называл еще два правомочия: управления (землями) и контроля (земельного) [26, с. 139-140]. Правомочия управления и контроля предлагал присовокупить к триаде О.С. Колбасов; без них, по его мнению, нельзя выявить содержания права исключительной государственной собственности на целый ряд объектов [16, с. 111].

Оригинальную позицию применительно к структуре права собственности сформулировал В.А. Белов. Он полагает, что предусмотренные в п. 2 ст. 209 ГК РФ права собственника вещи представляют собою не правомочия, а субправомочия лица на активные действия; наряду с возможностью совершения им активных действий собственник вправе требовать от всех иных, противостоящих ему лиц, воздерживаться от каких-либо действий с его вещью без его разрешения [5, с. 32]. Е.А. Крашенинников также рассматривает субъективное право собственности как единство не трех, а двух правомочий: 1) правомочия собственника на свои действия, которые заключают в себя три субправомочия – возможность владеть, возможность пользоваться и возможность распоряжаться вещью; 2) правомочия требования, направленные на воздержание обязанных лиц от действий, которые препятствовали бы собственнику в осуществлении вышеназванных субправомочий [17, с. 72-73]. В российской юридической литературе были высказаны и другие предложения по уточнению и дополнению триады правомочий собственника, по ее совершенствованию. Однако прежде чем совершенствовать триаду, необходимо определиться с тем, есть ли смысл в ее совершенствовании, дополнении и уточнении?

Триада правомочий собственника как нормативная конструкция является, на наш взгляд, принципиально неприемлемой по следующим основаниям. Во-первых, она противоречит основополагающему для частноправовой сферы принципу свободы собственности. Законодатель избрал не тот путь, когда установил в Гражданском кодексе России закрытый перечень правомочий собственника, поскольку всякий исчерпывающий реестр правовых возможностей субъекта идет вразрез с самим принципом правовой свободы. Какой смысл в том, чтобы предоставлять лицу свободу усмотрения в отношении вещи и тут же указывать ему, что он вправе делать с ней? В законе достаточно было установить внешние рамки правовой свободы собственника, не опредмечивая ее, не расщепляя на отдельные

правомочия. В установленных законом границах собственник сам вправе решать, что ему делать с вещью, в какие отношения вступить по поводу нее.

Во-вторых, триада уводит законодателя за рамки предмета права, в сферу субъект-объектных отношений, к фактическому (не правовому) владению, пользованию вещами, к их уничтожению, прекращению эмпирического обладания физическими объектами. Законодательная конструкция собственности ориентирована на вещь (действия в отношении объекта владения), а ее следует развернуть в сторону субъектов права, чтобы она могла регулировать отношения между людьми (собственно правовые).

В-третьих, триада правомочий собственника не согласуется с существующими теоретическими представлениями о структуре субъективного права. В триаде отсутствует право требования, обращенное к обязанным лицам, а также возможность притязания, обращенное к государству, его органам принуждения; она нацелена не на обязанных лиц, а на отношение субъекта к вещи (закрепляет его возможности по отношению к ней). Создаваемая в качестве общеправовой модели, применимой к различным видам правоотношений, конструкция субъективного права должна соотноситься с триадой правомочий собственника как общее соотносится с частным. В реальности это не так, каждая из них построена на собственном фундаменте без учета логики другой конструкции: одна основывается на представлениях об обязательственных отношениях, вторая – на вещных. С точки зрения предмета права (внешних субъект-субъектных, волевых отношений), конструкция элементов субъективного права представляется более адекватной, в большей степени соответствующей внутренним основаниям права, хотя она также нуждается в доработке.

В-четвертых, попытки раз и навсегда определить, как это делали средневековые глоссаторы, а сегодня российский законодатель, точную формулу права собственности, включающую в себя исчерпывающий перечень, состав правомочий собственника, представляются несовместимыми с динамическим характером правоотношений собственности, с постоянно изменяющимися условиями правовой коммуникации, положением собственника в правовой системе. Когда схоластические формулы закрепляются в качестве базовых элементов нормативных конструкций, то следствием такого подхода законодателя к решению правотворческих задач является торможение социальных процессов, искусственное замораживание развития отношений собственности.

Настало время взамен триады выработать принципиально иную конструкцию права собственности, которая соответствовала бы социально-правовой сущности исследуемого феномена, была ориентирована на отношения собственника с другими лицами по

поводу вещи, прежде всего с государством, выполняющим ключевую функцию в формировании и защите собственности, опосредующим отношения владельца вещи с другими субъектами права. В конструкции права собственности также необходимо отразить место и роль собственника в системе правопорядка, показать возможности его участия в регулировании правовых отношений, в налаживании правовой коммуникации. Конструкция права собственности должна учитывать динамику развития правовой сферы, эволюцию собственности, правомочия собственника не должны быть предписанными, узаконенными «на все времена и для всех народов». Вместе с тем в ней необходимо выделить один или несколько главных, существенных элементов, выражающих прошлое и будущее собственности. Кроме того, в конструкции права собственности должны быть представлены в единстве субъективные правомочия собственника, относящиеся к частно-правовой и к публично-правовой сферам. Между ними не должно быть юридических перегородок, разделяющих барьеров.

Исходя из вышеназванных предпосылок можно высказать следующие соображения по поводу конструкции права собственности. В составе правомочий собственника вещи представляется целесообразным выделить основной элемент – ядро права собственности и множество других – вторичных, служебных правомочий, которые имеют эволюционный характер, возникают на разных ступенях правового развития общества и группируются вокруг ядра, образуя своего рода юридический панцирь собственности. Ядром права собственности – основополагающим правомочием собственника вещи, на наш взгляд, является *право лица выступать центром правовой коммуникации и индивидуально-правового регулирования применительно к конкретной вещи*. Иначе – это *право коммуникативно-регулятивной свободы, предмет которой – определенная вещь*. Это означает, что собственник должен признаваться решающей правовой инстанцией в отношениях с другими лицами применительно к вещи, его воля не должна предопределяться законодателем с точки зрения ее направленности, постановки и достижения целей, преследуемых им интересов. Закон может устанавливать лишь внешние границы ее осуществления. В способности собственника свободно осуществлять правовую коммуникацию и индивидуально-правовое регулирование применительно к вещи заключена существенная сторона собственности (другая сторона собственности – в исполнении возлагаемого на него правопорядком социально-юридического долга лица, установленных законом обязанностей). Собственник имеет право не на вещь как физический объект, не на ее материальную субстанцию, а на ее правовую форму, на вещь в правовом смысле, то есть на свободу коммуникации, индивидуально-правового регулирования отношений, возникающих в связи с правовым использованием вещи.

Собственник наделен именно правовой свободой, а не отдельными, частными правомочиями применительно к вещи. Не обладая правами хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды, доверительного управления и другими конкретными правами, он может создавать их для других. Собственник передает другим то, чем сам формально не владеет. В этом парадокс собственности. В праве собственности есть нечто большее, чем конкретный набор субъективных прав на вещь, в нем заключено уникальное правомочие на создание любых других прав на вещь (оно – бездонный, неисчерпаемый правовой источник, из которого можно извлекать бесконечное множество конкретных правомочий на вещь). Уже в раннем римском праве, как отмечает А.В. Зайков, действовал принцип, в силу которого «никому не может служить своя собственная вещь» (*nemini res sua servit*). Смысл этой, на первый взгляд, парадоксальной сентенции заключается вот в чем. Если ты имеешь в собственности земельный участок, то нет никакого смысла говорить, что у тебя есть *специальное* право прохода по этому участку. У тебя есть право собственности, а не отдельное право прохода. Если на твоей земле есть колодец, то право черпать воду из него может принадлежать, например, соседу, а не тебе, потому что у тебя есть собственность, а не отдельное право черпания воды. Это два самостоятельных права, и существовать в одной вещи для одного лица они не могут [13, с. 36].

Отождествлять право собственности с конкретными правомочиями на вещь (право владения, пользования, распоряжения, управления, уничтожения, переделки, реконструкции и т.д.) означает не понимать его сути. Как утверждал Ульпиан, «тот, кто имеет собственность, не имеет *отдельного права* пользоваться вещью и извлекать плоды и на свой участок не может быть установлен узурфрукт» [12, с. 275]. Никакие три или тридцать три конкретных правомочия на вещь не заменят права собственности. Из них, как не старайся, невозможно «склеить», сконструировать право собственности, из права же собственности можно извлечь, произвести десятки и сотни конкретных правомочий на вещь, при этом оно не будет тождественно их сумме. Секрет права собственности заключается не в полноте, не в количестве его элементов, а в особом качестве, отличающем его от других правомочий.

Право собственности имеет принципиально иную природу, чем права на конкретные вещи, и оно иначе устроено. Во-первых, право собственности получает свою правовую силу не из частных правовых отношений, связей или договоренностей, а от публичного правопорядка. Правовое сообщество своей волей, коллективными усилиями утверждает собственность и ее гарантирует, оно вверяет вещь собственнику в правовое владение. Собственность не есть результат достигнутых соглашений между частными лицами, не зави-

сит от случайных влечений их воли, произволов; собственник через свою связь с правопорядком становится «законным распорядителем» вещи. Во-вторых, право собственности (его ядро) по своему устройству является неделимым, не расщепляемым на части, элементы. В нем заключена свобода субъекта создавать любые правовые связи, отношения, «представлять» вещь во всех инстанциях, осуществлять применительно к ней индивидуально-правовое регулирование, быть единоличным правовым распорядителем вещи в системе правопорядка, совершать с нею любые значимые с правовой точки зрения действия, не выходя при этом за рамки закона. Конкретные права на вещь можно структурировать, делить на части, элементы; право собственности не может быть подвергнуто структурному анализу. Оно – право «чистой», не разлагаемой на элементы правовой свободы, не «домашней», хозяйственной, по отношению к вещи, а свободы по отношению к правовым субъектам, индивидуам, частным юридическим корпорациям, учреждениям, государству. Право собственности – это право на свободу коммуникации и индивидуально-правового регулирования применительно к вещи. В кантовском понимании данное право есть возможность свободного «умопостигаемого владения вещью», то есть владения, пролегающего через правопорядок, не являющегося физическим, хозяйственным владением, выражающегося в актах произвола лица (свободного усмотрения) во внешних отношениях [15, с. 155, 160]. У Канта владение вещью собственником есть распорядительное в правовом смысле (свободное распорядительное владение, где распоряжение не противостоит владению, а заключено в нем); владение в качестве решающей правовой инстанции.

Идея коммуникативной свободы собственника в некоторой степени получила отражение в действующем праве (но не в определении права собственности). Законодатель, закрепляя правомочие собственника в сфере внешних отношений, на наш взгляд, руководствовался этой идеей. Исходя из принципа «дозволено все, что прямо не запрещено законом», собственник вправе совершать любые сделки с принадлежащей ему вещью, кроме тех, которые запрещены законодательством, предусматривать самые разные условия договора, заключаемого в отношении своего имущества. Согласно ст. 421 ГК, можно заключать договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами; договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). Собственник вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, он может любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом, вклю-

чить в завещание иные распоряжения (ст. 1119 ГК). Собственник правомочен вносить свое имущество в виде вклада в уставный (складочный) капитал в хозяйственные товарищества, общества или по договору простого товарищества; передавать свое имущество в доверительное управление доверительному управляющему; передавать его в хозяйственное ведение создаваемому им унитарному предприятию (собственник государственного или муниципального имущества); на праве оперативного управления – создаваемому им учреждению; совершать любые иные юридически значимые действия со своей вещью.

Право свободы собственника во внешних отношениях означает не только возможность совершать любые правовые сделки, иные юридические действия, но и осуществлять индивидуально-правовое регулирование поведения, действий других субъектов права в отношении принадлежащего ему имущества. Оно не образует самостоятельного, отдельного правомочия собственника наряду с возможностью осуществлять любые юридически значимые действия, оно заключено в его праве внешней, поведенческой свободы. Не случайно, как представляется, законодатель не акцентирует на нем внимания, не различая его среди других юридически значимых действий собственника. Собственник как решающая правовая инстанция в отношениях по поводу вещи может исключать вещь из правового оборота, затем снова вводить ее в оборот. Это касается любых вещей: движимых и недвижимых, сложных и простых. Однако настоящий регулятивный потенциал собственника раскрывается в отношении социально ценных недвижимых объектов: участков земли, леса, зданий, предприятий, автомобильных и железных дорог, газовых, и электрических сетей, иных имущественных комплексов. Собственник автомобильной дороги или аэропорта, коммунальных сетей или предприятия бытового обслуживания может устанавливать на основе действующих законодательных норм свои правила пользования его имуществом, обязательные как для нанятых им работников, так и для сторонних лиц, кто решил воспользоваться его имуществом (пассажиры, клиенты, иные пользователи). Осуществляемое собственником индивидуально-правовое регулирование отношений, возникающих по поводу принадлежащего ему имущества, может иметь персонально определенный характер, касаться конкретных лиц (индивидуальные акты), а иногда даже нормативный. Принимаемые им локальные нормативные положения могут быть адресованы наемным работникам, а также пользователям (пассажирам, клиентам, покупателям, заказчикам услуг) вне зависимости от их особенностей.

Право внешней, коммуникативной свободы собственника вещи, обладание ею как своей правовой принадлежностью, предполагает возможность «представлять» свою вещь в любых органах, ин-

станциях, в отношениях с любыми лицами. Собственник является своего рода «законным представителем» вещи во всей правовой сфере. Представительство в праве традиционно понимается как особое правовое отношение, в соответствии с которым одно лицо (представитель) на основании имеющегося у него полномочия выступает от имени другого (представляемого), непосредственно создавая (изменяя, прекращая) для него права и обязанности [29, с. 284]. Правовое представительство возможно в отношении лиц и невозможно в отношении вещей, и все-таки, как это не абсурдно, есть определенный смысл именовать собственника «представителем вещи». Поскольку вещь как собственность лица есть его правовое продолжение, часть его самого, то «представляя» ее во внешних отношениях, собственник представляет самого себя. Не случайно римские юристы лежачее наследство рассматривали в качестве юридического лица, так как относились к нему как к правовому, а не физическому феномену. Собственник, «представляя» вещь во внешних отношениях, не нуждается в специальных полномочиях, в доверенности, иных актах. Указанная возможность есть следствие признания за ним права собственности на вещь, оно вытекает из его правового положения как персонифицированного или единоличного центра правовой коммуникации в отношении вещи. Для других лиц при совершении сделок с вещью необходима доверенность, собственник же в специальных полномочиях не нуждается, ему достаточно общего признания его правом порядком в качестве собственника. Возможность осуществления им «законного представительства» не передается ему как отдельное правомочие, оно есть следствие его коммуникативной свободы.

Наделение субъекта правом выступать (быть) центром правовой коммуникации, индивидуально-правового регулирования применительно к вещи обеспечивает ему особое место и особую роль в системе правовых отношений. Собственник – не один из многих субъектов, которые гипотетически могут обладать любыми вещами, владеть любыми предметами. Он единственный, кому вещь юридически принадлежит, одна в своем роде решающая инстанция в отношениях, возникающих по поводу конкретного объекта. Ему вверена вещь как единоличному ее распорядителю, за ним стоит признание и поддержка правового сообщества, с ним считается государство. В этом правомочии выражается идея собственности, ее сущность, ее социально-правовая природа. Выделенное правомочие означает не просто юридически обеспеченную возможность лица числить вещь за собою, не только формальную принадлежность ему вещи, а способность самому, руководствуясь своей волей, принимать любые правовые решения в отношении вещи. Данное правомочие является следствием взаимодействия собственника с правом порядком, с государством, его нельзя рассматривать как социальный

дар, как безвозмездное правовое пожертвование со стороны общества. Оно – результат достижения взаимности, согласования индивидуальных и общественных интересов, обусловленности принятия на себя субъектом определенных социальных обязанностей.

Вторичные, служебные правомочия собственника не имеют самостоятельного характера по отношению к выделенному, первичному правомочию – ядру права собственности, они обеспечивают, гарантируют его осуществление, способствуют реализации. В этом заключается их служебный характер. Состав служебных правомочий собственников не является одинаковым применительно к разным объектам собственности, он различается в зависимости от вида вещей (движимые или недвижимые вещи, потребляемые или непотребляемые, объекты интеллектуальной собственности и т.д.). Для сторонников триады объект собственности не имеет значения, по крайней мере, он никак не учитывается ими с точки зрения установленного числа правомочий собственника, в реальности же правовые свойства, характеристики объекта (его вид, социальная значимость и т.д.) отражаются на составе правомочий и обязанностей собственника. Чем сложнее правовой объект (электростанция, газотранспортная система, аэропорт и т.д.), тем число правомочий и обязанностей собственника больше: по отношению к пользователям его имущества, к наемным работникам, к государству, муниципальным образованиям. Нельзя уравнивать состав прав и обязанностей обладателя булавки с комплексом правомочий и юридических обязанностей собственника завода. Установление единого шаблона правомочий собственника в нормативной конструкции или в теоретической модели приводит к нивелированию особенностей правового регулирования разных объектов, к «юридической слепоте», к тому, что к сложным правовым вещам применяются схемы, относимые к булавкам и карандашам. Кроме того, состав правомочий собственника расширяется вместе с развитием права, укреплением основ правовой государственности.

В целях систематизации, разделения правомочий собственника на отдельные группы целесообразно взять за основу существующую теоретическую модель строения (элементов) субъективного права с некоторыми ее уточнениями и дополнениями. В современной российской, а также советской юридической науке при структурном анализе субъективного права в качестве его элементов обычно выделяются: во-первых, право лица осуществлять свои собственные действия, направленные на удовлетворение его интересов; во-вторых, право лица требовать от обязанных субъектов активных, положительных действий или пассивного поведения, воздержания от определенных действий, обеспечивающих осуществление первого правомочия; в-третьих, возможность приведения в действие принудительной силы государства для защиты нарушенных прав (при-

тязание) [6, с. 8-13; 3, с. 108-109; 4, с. 20-21; 18, с. 521-525]. Применительно к собственности правомочие лица на свои действия, направленные на удовлетворение его интересов, – это и есть, с нашей точки зрения, право коммуникативно-регулятивной свободы (ядро субъективного права собственности). Что касается прав требования, а также притязания, то они имеют служебный характер, обеспечивают правовую свободу лица в качестве центра правовой коммуникации и правового регулирования применительно к вещи.

Права требования в отличие от прав коммуникативно-регулятивной свободы собственника устроены иначе. Они представляют собою не одно, а множество отдельных правомочий, конкретных, адресных и исполнимых. Когда речь идет о воле других лиц, о возложении на них в законе долга совершить определенные действия в пользу собственника, то общий принцип свободы усмотрения не может применяться, иначе право собственности станет правом произвола по отношению к другим. В данной сфере действует принцип прямого закрепления в законе того, на что может претендовать собственник вещи. Права собственника на действия обязанных лиц имеют эволюционный характер, развиваются вместе с обществом, они, как правило, «выстраданы» собственником, являются результатом его борьбы с государством за свои интересы, обычно обусловлены встречными обязанностями лица. Состав прав требований постоянно растет, по этой причине их сложно подсчитать и систематизировать. Некоторые права требования закрепляются законодателем не за всеми собственниками, а за отдельными их категориями (например за иностранными инвесторами), другие обусловлены спецификой объектов собственности.

К числу прав требования собственника, например, можно отнести право (совокупность прав) *на укрепление собственности*. Исходя из того, что связь лица с вещью пролегает через правовой порядок, являясь не фактической, а юридической, для собственника принципиально важно, чтобы правовой порядок ее укреплял. Некоторые дореволюционные правоведы (М.М. Сперанский, К.П. Победоносцев и др.) укрепление собственности понимали очень широко, объединяя в нем различные публично-правовые аспекты признания и поддержания владения вещью собственником. Другие юристы, например Г.Ф. Шершеневич, рассматривали укрепление собственности, иных вещных прав как осуществляемое органами власти публичное, гласное утверждение соединения права с известным субъектом. Речь идет не об общем (нормативном) признании государством права собственности как такового, безотносительно к конкретным объектам и субъектам, а об адресном, персонифицированном утверждении момента соединения права собственности с конкретным лицом.

Оба подхода вполне имеют право на существование: один выражает наиболее общий, макроправовой взгляд на проблему пуб-

лично-правового признания и поддержания владения; другой – частный, формально юридический аспект данной проблемы, момент публично-правового закрепления вещи за конкретным лицом. Применительно к выделенному правомочию термин «укрепление» следует понимать во втором значении. Право лица на укрепление государством его собственности означает возможность требовать осуществления уполномоченными государственными органами регистрации права собственности на недвижимые вещи, нотариального подтверждения наличия у лица права собственности в форме свидетельства о праве собственности, осуществления иных публичных процедур, призванных утвердить право собственности лица. На наш взгляд, в целях укрепления права собственности перечень объектов, подлежащих государственной регистрации, следует расширить. В частности, целесообразно включить в него культурные ценности, наземные транспортные средства (в отношении которых сегодня применяется лишь техническая регистрация, не имеющая гражданско-правовых последствий), некоторые другие объекты.

У собственника есть также *право (права) требовать от государственных и муниципальных органов принятия правоприменительных решений, актов, обеспечивающих осуществление его законных интересов*. Речь идет о правовой форме содействия собственнику в осуществлении его воли со стороны государства и муниципальных органов. Например, собственник в соответствии со ст. 23 Жилищного кодекса РФ вправе требовать от органа местного самоуправления принятия решения о переводе принадлежащего ему жилого помещения в нежилое помещение или нежилого – в жилое на основе представленного им заявления и необходимых по закону документов. Принимаемое по инициативе собственника решение органа местного самоуправления изменяет правовой режим вещи, ее целевое назначение, обеспечивая возможность использования ее лицом в новом правовом качестве.

К числу прав требований собственников имущества можно также отнести *право на компенсационные выплаты со стороны государства, муниципальных органов или из специально создаваемых страховых фондов* в случаях, установленных законом. Например, Федеральный закон № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» устанавливает компенсацию (ст. 31.1) за утрату права собственности на жилое помещение. Собственник жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестный приобретатель, от которого было истребовано жилое помещение, имеет право на разовую компенсацию за счет казны Российской Федерации. Законодатель предусматривает компенсационные выплаты по вкладам граждан в Сберегательном банке РФ, существовавшем в период до 20 июня 1991г. (ст. 17 Федерального закона № 308-ФЗ «О феде-

ральном бюджете на 2010 год и плановый период 2011 и 2012 годов»); собственники, утратившие жилье и иное имущество в результате конфликта в Чеченской республике, имеют право на государственные компенсации (Указ Президента РФ от 05.09.1995 г. № 898); существуют также другие виды прав требований собственников компенсационного характера, адресуемые государству.

Кроме выплат, производимых собственнику имущества непосредственно из бюджета государственного или муниципальных, законодательством предусматриваются формы выплат из специально созданных фондов. Например, Федеральный закон № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» предусматривает при наступлении страхового случая (отзыва у банка лицензии или введение моратория на удовлетворение требований кредитора банка) возмещение по вкладу физического лица из фонда обязательного страхования вкладов в размере до 700 тысяч рублей. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» устанавливает требование компенсационных выплат профессиональными объединениями страховщиков в счет возмещения вреда, причиненного имуществу потерпевшим лицам. Страховые выплаты владельцам транспортных средств, собственникам иных объектов за ущерб, причиненный их имуществу, предусмотрены Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Общеизвестным является право собственника требовать от других лиц воздерживаться от нарушений его законных интересов, прав (нередко цивилисты именно к нему сводят все права требований собственника). Растет число прав требований собственников неимущественного характера, адресуемых органам (бюро) технической инвентаризации, межевания, кадастрового учета и т.д.

Особое место в структуре служебных правомочий собственника занимает притязание. Если исходить из господствующей в литературе точки зрения, то притязание – это разновидность прав требования, хотя и с особым содержанием, с другим адресатом (органы государства, обеспечивающие принудительное воздействие на нарушителя), но все же это – право требования. Для признания его самостоятельным элементом субъективного права нужны веские основания, оно должно существенным образом отличаться от других прав требований, в нем должно быть нечто такое, что принципиально разграничивает его от иных прав требования. В немецкой юридической науке вплоть до Б. Виндшейда, а также в дореволюционной российской литературе притязание понималось в широком смысле – как требование исполнения обязанности в пользу управо-

моченного лица. Б. Виндшейд первый предложил рассматривать притязание в другом, более узком смысле: «То, что мы назвали притязанием (Anspruch), римляне называют action. Actio есть судебное преследование; следовательно, желая сказать, что кто-нибудь имеет право требовать чего-либо от другого, римляне говорят, что он имеет право отыскивать перед судом то, чего он требует от другого» [9, с. 94].

После осуществленного Б. Виндшейдом разграничения притязания и права требования некоторые авторы, явно преувеличивая роль притязания, стали отождествлять его с субъективным правом [30, с. 218; 1, с. 475], другие же, напротив, выступили против такого разграничения. Г. Дернбург, например, полагал, что современное право едва ли что-нибудь выиграло от внесения в науку понятия «притязание», по его мнению, оно не имеет большого значения для правильного представления о праве, так как употребляется во многих, крайне разнообразных смыслах [10, с. 102, сноска 6]. Между приверженцами понятия притязания он отмечал горячий спор о том, следует ли понимать под ним только право на предоставление чего-либо со стороны известного лица, или же притязания могут вытекать из абсолютных прав, например, права собственности; другими словами, могут ли притязания направляться «против любого лица» [10, с. 103]. Г.Ф. Шершеневич также считал сомнительной полезность внесения в науку и законодательство понятия «притязание», без которого обходятся во Франции и в Англии, придерживаясь позиции Г. Дернбурга. Он указывал на разнообразие мнений по данной проблеме: от притязания к нарушившему свою обязанность в отношении субъекта права отличают притязание к государству оказать содействие, ввиду нарушения права, путем постановки судебного решения и приведения его в исполнение; говорят об общем праве обращаться к государству за защитой и о праве обращаться к государству с требованием определения решения по данному правонарушению (право на иск) [27, с. 203]. Таким образом, в российской и зарубежной юридической науке сложилось неоднозначное отношение к понятию «притязание», оно по-прежнему вызывает споры, окончательно не укрепились.

Если рассматривать притязание сквозь призму отстаиваемой нами конструкции правоотношения собственности как связи лица с государством и через него – с другими лицами, то следует отметить, что, во-первых, главный адресат прав требований и притязания – государство, и это делает данные правомочия трудно различимыми без более глубокого предметного разграничения; во-вторых, собственник может рассчитывать на применение механизма принуждения для защиты его нарушенных прав в отношении частных лиц, но не в отношении государства, хотя именно оно несет наибольшую угрозу собственности. Государство как суверенный властелин, независимый от своих граждан, опирающийся на систему организован-

ного насилия – главный враг собственности и права, от него прежде всего следует защищать собственника. Притязание как форма насильственного осуществления законных прав собственника не решает проблему защиты собственности. В отношении механизма государственного насилия собственнику необходим более мощный механизм, обеспечивающий соблюдение теперь уже государством его законных интересов и еще один вид притязания (против нарушений со стороны государства).

По нашему мнению, притязание целесообразно рассматривать в другом аспекте, а именно как требование лица, адресованное не только государству, но и всем иным участникам обеспечения правопорядка создать необходимые для обратившегося правовые условия общего характера, правовую среду для осуществления его законных интересов. Не связывать его с отдельными действиями, актами, решениями органов правосудия, прокуратуры, милиции (полиции), приставов, других органов, призванных осуществлять принудительную защиту нарушенных прав. Субъективное право не может существовать в правовом вакууме, в условиях, где игнорируются принципы правовой коммуникации, отсутствует правовое сознание, отрицаются юридические ценности, где власть попирает закон. Бессмысленно обсуждать внутреннее строение субъективного права, его «правовую начинку», когда оно вырвано из правовой почвы, используется как средство, инструмент в системе политического властвования (в целях осуществления, например, «экспроприации экспроприаторов» или других, далеких от права целях). Субъективное право – это принадлежность правового субъекта, лица, которое обладает свободой воли, является решающей правовой инстанцией не только по отношению к вещи, но и по отношению к самому себе. Если же в обществе нет свободных правовых субъектов, их место занято политически властвующими и подвластными, если социальная система строится на антиправовых началах, то субъективное право в ней – мертвая юридическая форма, оболочка, лишенная содержания, оторванная от субъекта, для которого она была создана. В этой форме нет правового «духа», есть лишь видимость правового, она наполнена изнутри политическим содержанием, используется государством в своих целях. Именно поэтому юристам приходится уповать на государственную принудительность как единственную опору права.

Чтобы субъективное право было действительно правом, а не камуфляжем, не «фиговым листком», прикрывающим отношения власти и подчинения (политические), оно должно иметь под собою правовую почву. В самой его структуре должен быть элемент, обеспечивающий его связь с правовым фундаментом, «отвечающий» за то, чтобы субъективное право не отрывалось от правовой среды. Таким элементом, на наш взгляд, должно выступать право притязания.

Обычно в литературе не используются словосочетания «право притязания» или «правомочие притязания». Предполагается, что притязание – это и есть право, однако нередко люди притязают на что-то, не имея на то права (вор притязает на чужую вещь, злоупотребляющий властью – на полномочия, которые выходят за рамки, установленные законом и т.д.). У слова «притязание», как отмечают лингвисты, есть не только положительное, но и отрицательное значение; оно означает необоснованное стремление добиться признания, одобрения [20, с. 600]. С учетом данного обстоятельства применительно к субъективному праву представляется вполне уместным использовать выражения: «право притязания», «правомочие притязания».

Притязание лица на создание, обеспечение необходимых общих условий для осуществления его субъективного права основано на той предпосылке, что он, как и другие субъекты права, есть отправной пункт, главное звено в системе права. Законы, нормы, вся правовая сфера созданы во имя людей как субъектов права, именно они представляют собою высшую правовую ценность для общества, им должно служить государство, все правовые институты. Каждому участнику правовой коммуникации – обладателю субъективного права нужна правовая среда для успешного осуществления его личных интересов, а также для гармонизации отношений с другими лицами. Только в условиях сформировавшейся правовой среды можно решить проблему конфликта интересов, совмещать произвол одного лица с произволом другого, в ней способны зародиться, кристаллизоваться общая правовая воля, взаимные правовые интересы людей, которые сплачивают их в общество. Идея выделения правового притязания лица, обращенного к государству как системе правопорядка (не к политически властвующему суверену, а именно к блюстителю правопорядка), а через него – к другим субъектам права, предполагает возможность создания и функционирования всех элементов правового строя, организации системы правопорядка на всех ее уровнях сверху – донизу. Притязание как структурное правомочие, элемент субъективного права в этом контексте означает право лица на полноценную правовую инфраструктуру, в рамках которой может быть осуществлена его конкретная правовая связь с другим лицом (лицами), соответственно, реализованы юридические интересы сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Агарков М.М.* Теория государства и права: Учебник для вузов: Макет. М., 1948. 574 с.
2. *Аксененок Г.А.* Право государственной собственности на землю в СССР. М.: Госюриздат, 1950. 307 с.
3. *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1955. 176 с.

4. Александров Н.Г. Правовые отношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. 45 с.
5. Белов В.А. Гражданское право. Особенная часть. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. 767 с.
6. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Юридическая литература, 1950. 367 с.
7. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. II. Вещное право. СПб., 1896. 190с.
8. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.
9. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. СПб.: Издание Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. 360 с.
10. Дернбург Г. Пандекты (Общая часть и обязательственное право). М.: Универс. тип., 1906. Т. 1. 465 с.
11. Десницкий С.Е. Первый русский профессор права (Н.М. Коркунова). СПб.: Тип. Правительств. Сената, 1894. 31 с.
12. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов.. М.: Статут, 2003. Т. II. 622 с.
13. Зайков А.В. Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности // Вестник Гуманитарного университета. Сер. Право. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. № 1(2). С. 33-42.
14. Зинченко С.А. Государственная собственность в СССР: проблемы правового регулирования. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского ун-та, 1986. 175 с.
15. Кант И. Сочинения. В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
16. Колбасов О.С. Водное законодательство в СССР. М.: Юридическая литература, 1972. 216 с.
17. Крашенинников Е.А. К разработке теории права собственности // Актуальные проблемы права собственности. Материалы научных чтений памяти проф. С.Н. Братуся. М.: Юриспруденция, 2007. 152 с.
18. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юридическая литература, 1973. 647 с.
19. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Гражданские права в отдельности. Изд. 2-е. СПб., 1862. 450 с.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд. 22-е, стер. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
21. Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Наука, 1986. С. 77-114.
22. Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб.: Ганза, 1993. 512 с.
23. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
24. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. Изд. 3-е. М.: Дело, 2002. 512 с.
25. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юридическая литература, 1991. 239 с.
26. Турубинер А.М. Право государственной собственности на землю в Советском Союзе. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 330 с.
27. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учеб. пособие. В 2 т. Вып. 2, 3, 4. М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1995. Т. 2. 362с.
28. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
29. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.
30. Thon A. Rechtsnorm und subjectives Recht. Weimar: H. Bohlau, 1878. 312 s.

RESUME

Sergey Ivanovich Arkhipov, Doctor of Law, professor, Ural State Law Academy, Visiting Professor at University_Paris-X and Paris XII (France). Ekaterinburg (343) 376-60-10 arhip10@mail.ru

Problem of contents of the right of ownership

The article is devoted to the contents of the right of ownership. The author in detail analyzes theoretical opinions about elements of the right of ownership and proposes a new theoretical model of the right of ownership.

Property, right of ownership, individual right, legal relation, theoretical model of the right of ownership.

Материал поступил в редколлегию 04.07.2011 г.